

qu'il galvanisera les jeunes en révolte en Libye, en Syrie, au Yémen et ailleurs. Le Nouvel Observateur 31-07-11), через морські метафори (*Le ramadan, qui démarrera lundi, pourrait redonner de la vigueur aux manifestations qui se déroulent depuis janvier dans les pays arabes.* Le Nouvel Observateur 31-07-11; *Les musulmans des pays arabes abordent le ramadan avec une question en tête: le mois sacré sera-t-il l'occasion d'un répit dans le printemps arabe ou donnera-t-il lieu à plus de contestation?* Le Nouvel Observateur 31-07-11) або воєнні метафори (*Jeûner et combattre.* Le Nouvel Observateur 31-07-11; *En Libye, les combattants qui ont pris les armes contre le dirigeant Mouammar Kadhafi attendent le ramadan avec un sentiment de grande détermination mêlé de quelques appréhensions à la perspective de conjuguer jeûne et combats.* Le Nouvel Observateur 31-07-11).

Висновки та перспективи подальших досліджень. Отже, носії іспанської та французької мов у пошуках вираження свого ставлення до ісламу як чужої релігії характеризують властиві їй феномени, зокрема Рамадан, та фіксують своє ставлення до цієї події в концептуальній метафорі. Концептуалізація Рамадану в іспанській та французькій лінгвокультурах ґрунтується на знаннях про традиції святкування мусульманського посту, зокрема про вибір страв мусульманами в цей період, а також на його характеристиці як харчового ринку, що має місце на теренах європейських країн. Уявлення про Рамадан як феномен, що здійснює соціальний вплив, представлено в іспанській мові антропоморфними, речовими метафорами та метафорами хвороби; у французькій мові – хімічними, морськими та воєнними метафорами.

Перспективним є вивчення змістового наповнення валоративного прощарку концепту РАМАДАН у його проекції на концептосистему ІСЛАМ в іспанській та французькій лінгвокультурах.

Список використаної літератури

1. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа : монография / С. Г. Воркачев. – Краснодар : Изд-во Кубан. гос. техн. ун-та, 2002. – 142 с.
2. Религиозные традиции мира. В 2 т. Т. 2 : пер. с англ. – М. : КРОН-ПРЕСС, 1996. – 640 с.
3. Тресиддер Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер ; [пер. с англ. С. Палько]. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.
4. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. I (Глава 1–2) [Электронный ресурс] / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2003. – 248 с. – Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm>.
5. Diccionario de la lengua española. Real Academia española [Recurso electrónico]. – 22-a ed. – Régimen del acceso : <http://buscon.rae.es/draeI>.
6. Larousse 2009: Dictionnaire de français [Ressource électronique]. – Régime de l'accès : <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue>.

Статтю подано до редколегії
16.03.2012 р.

УДК 811.Ш:37:373

Н. А. Улитина – кандидат филологических наук, старший преподаватель Одесского национального университета имени И. И. Мечникова

Принципы анализа статических пространственных предлогов, наречий и местоимений в системе изучения концепта «пространство»

Работа выполнена на кафедре иностранных языков гуманитарных факультетов
ОНУ им. И. И. Мечникова

В статье представлены результаты анализа лингвистических характеристик статических пространственных предлогов, местоимений и наречий, вербализирующих концепт «пространство» в английском языке. Ана-

лизируются характеристики данных явлений с точки зрения концептуализации местоположения объектов действительности. Выбор той или иной единицы пространственной семантики определяется положением объекта наблюдения и наблюдателя, а также особенностями индивидуального восприятия и опыта.

Ключевые слова: концепт, вербализация, пространственные статические предлоги, местоимения, наречия, пространственная локализация.

Улітіна Н. А. Принципи аналізу статичних просторових прийменників, прислівників і займенників у системі вивчення концепту «простір». У статті наведено результати аналізу лінгвістичних характеристик статичних просторових прийменників, займенників і прислівників, що вербалізують концепт «простір» в англійській мові. Досліджено характеристики цих явищ з погляду концептуалізації місця розташування об'єктів дійсності. Вибір певної одиниці просторової семантики визначається положенням об'єкта спостереження та спостерігача, а також особливостями індивідуального сприйняття й досвіду.

Ключові слова: концепт, вербалізація, просторові статичні прийменники, займенники, прислівники, просторова локалізація.

Ulitina N. A. Principles of Analyzing the Static Spatial Propositions, Pronouns and Adverbs in the System of Studying the Concept «Space». In the article the results of analyzing linguistical characteristics of static spatial propositions, pronouns and adverbs which take part in the verbalization of the concept «space» are represented. The characteristics of this phenomena are considered in the aspect of the factors of conceptualizing a location of real objects. The choice one or another unit with the semantics of the space is conditioned by local positions an object under observation and an observer as well as specifics of individual perception and experience.

Key words: concept, verbalization, static spatial propositions, pronouns and adverbs, spatial locality.

Постановка научної проблеми и ее значение. В рамках активно развивающихся в современной науке о языке когнитивно ориентированных дисциплин – когнитивной лингвистика и лингвокультурологии – ставится задача выявления особенностей концептуализации окружающей действительности в сознании того или иного этноса, прежде всего посредством анализа языковых данных, которые предоставляют доступ к процессам и явлениям в ментальном мире человека. В этой связи анализ такой универсальной категории, как пространство, с точки зрения лингвокультурологии на материале английского языка позволяет обнаружить не только универсальное, но и специфическое в восприятии мира англоязычным социумом. Востребованность изучения статических пространственных отношений определяется тем, что в процесс познания действительности людей включаются прежде всего все материальные объекты с точки зрения их пространственного соотношения и устойчивые конфигурации в системе реальной локализации. Концепт «пространство», служащий объектом изучения в целой системе современной междисциплинарной парадигмы, выступает в качестве ключевого, первичного, универсального концепта, служащего базой когнитивных представлений человека [1; 3; 10].

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Средства выражения пространственных отношений, в том числе и статических, весьма разнообразны и динамичны – проблема их корректного восприятия обуславливает причину их описания и анализа. Статические предлоги, местоименные наречия и местоимения английского языка являются **предметом** настоящего исследования. Его **целью** выступает выявление специфики употребления данных единиц в системе вербализации концепта «пространство».

Концепция эгоцентрического пространства в языке формируется при помощи такого основного дейктического принципа локации, как «я – здесь – сейчас», общий для него термин образован от латинского «*lokus*» – «место». Синкретизм категорий «я», «здесь», «сейчас» принимается за точку отсчета [1, 22; 8, 137]. Фигура говорящего определяет и семантическое пространство высказывания, и систему дейктических слов языка. Фигура говорящего является тем ориентиром, относительно которого в акте коммуникации ведется отсчет времени и пространства. Противопоставление «я – не я» лежит в основе главной оппозиции, организующей дейктическую лексику ближнего (проксимального) и дальнего (экстремального) дейксиса. Следовательно, выбор той или иной лексической единицы пространственной семантики зависит от взаимоотношения между объектом наблюдения и положением наблюдателя.

Предлоги, местоимения и наречия с статическим пространственным значением составляют наиболее разнообразную в семантическом отношении группу дейктических слов. Дейктическим способом может быть выражено как направление движения объекта, так и его статическое положение в

пространстве. Под дейктическим способом обозначения пространства мы понимаем характеристику местоположения объекта относительно некоторого центра, на который словом осуществляется семантическое указание. Причем указание на ориентир пространственной локализации заключается в семантике самого слова, и этот центр не имеет самостоятельной словесной формы выражения.

Предлоги, в зависимости от выражаемой им пространственной и/или временной координации, подразделяются на две группы: 1) предлоги, реализующие только пространственную координацию объектов: *beneath, beside, off, onto, opposite, out, outside, underneath, up*; 2) предлоги, способные реализовать как пространственную, так и временную координацию объектов: *about, above, across, after, against, along, among, around, at, before, behind, below, between, beyond, by, down, from, in, inside, near, on, over, past, round, through, throughout, under, upon, within*. В настоящем исследовании анализируются только локативные значения предлогов.

Вышеперечисленные предлоги способны обозначать статическую локализацию объектов – указание на место нахождения объектов или место протекания действия без изменения пространственной локализации. Эти предлоги в английском языке объединяются общим значением – *indicating the place; showing position (place); expressing position; of place; (of) position; used to indicate a point or place occupied in space. etc* [8, 139].

В результате дефиниционного анализа предлогов статической локализации было выявлено, что наиболее обобщенным предлогом, указывающим на местоположение объекта, является предлог *at*, определяемый как «*to indicate location or position*» и описывающий локализацию объекта, совпадающую с локализацией ориентира. Остальные предлоги конкретизируют локализацию объектов относительно ориентира, дифференцируют их взаиморасположение при статичном положении объектов, в наиболее общем виде обрисовывая пространственную характеристику локализованных объектов. Предлог *at* является наиболее обобщенным; недифференцированным обозначением местоположения объекта относительно ориентиров (локализаторов), в отличии от их конфигурации и объемности. По отношению к нему предлоги *on* и *in* выступают уже как более частные случаи, указывающие не только на местоположение объекта, но и отмечающие определенные пространственные характеристики ориентира. Так, если *at* указывает на нулевое или одномерное пространство, то *on* – на двухмерное, *in*, соответственно, – на трехмерное.

Статические предлоги могут выступать в роли «языковых элементарных частиц». А все остальные предлоги в языке могут быть сведены к ним, т. е. выражены с их помощью или же описываются различными комбинациями. Предлоги статической локализации осуществляют указание на место нахождения объекта, а также на место протекания действия при условии, что в процессе всего действия пространственная координация остается неизменной, точнее не изменяется взаиморасположение описываемого объекта и ориентира. Так, в случае *The fly was moving on the table* сам объект (*the fly*) перемещается, но его локализация относительно ориентира (*the table*) остается неизменной.

В настоящей работе, вслед за А. А. Закарян [2], предлоги, реализующие статическую локализацию, объединяются в следующие подгруппы, указывающие на: 1) положение, совпадающее с локализацией ориентира: *about (idle men standing about street comers); at (to stand at the door)*; 2) положение на поверхности ориентира: *on (a carpet on the floor; walks on the ceiling); over (Leaves lay thick all over the ground)*; 3) положение внутри ориентира: *in (in the box; walking in the park); inside (inside the envelope; we waited inside the church)*; 4) положение вне пределов ориентира: *off (A house stood off the main road; a ship anchored off the harbor entrance); out (He lived out Elm Street); outside (Meet her outside the post office)*; 5) положение около ориентира: *around (the country around Boston); at (walk at my side); beside (to live beside the sea); by (My house is by the river)*; 6) положение перед ориентиром: *before (a lawn before a house; the captain before his troops)*; 7) положение позади ориентира: *after (Shut the door after you; men lining one after another); behind (There is an orchard behind the house; behind the band marched the infantry); beyond (beyond those trees you'll find his house)*; 8) положение напротив ориентира: *across (to live across the street); against (... and sat backwards over against me); opposite (to live opposite the drug's); over (Who lives in that house over the way)*; 9) положение над ориентиром: *above (head above water; we were above the clouds); over (There was a lamp over the table); up (the cat is up the tree)*; 10) положение под ориентиром: *below (Flower boxes were standing below the window); beneath (the water beneath the earth); down (We keep the butter down the well)*; 11) положение между ориентирами: *among (a village among the hills); between (The Mediterranean Sea is between Europe and*

Africa); 12) положение вокруг ориентира: *about* (*there was a fence about the garden*); *around* (*several people seated around the table; the woods that lie around the castle*); 13) положение вдоль ориентира: *along* (*bookcases along the walls*); 14) положение поперек ориентира: *across* (*coats across the bed*).

Классическими примерами выражения концепта «пространственная локализация» являются *местоименные наречия here/there* и *указательные местоимения this/these, that/those*. По мнению Ю. Д. Апресяна, в ситуациях, обозначаемых этими словами, говорящий и наблюдатель совпадают в одном лице [1, 233]. Тем не менее, А. В. Кравченко отмечает, что не всегда осуществляемое этими словами указание можно соотнести с фигурой говорящего, а даваемая ими характеристика сама основана на противопоставлении двух относительных понятий приближенности и удаленности, непосредственно связанных с фигурой наблюдателя [3, 88]. Понятие приближенности объекта к субъекту восприятия, формируемое словами *here, this/these*, подразумевает включение описываемой ситуации в перцептуальное пространство говорящего (наблюдателя). Отношение «удаленность» эксплицируется словами *there, that/those* и, следовательно, описываемые ими ситуации категоризируются как не входящие в пространство наблюдателя.

Так как в классической речевой ситуации говорящий и наблюдатель, как правило, совпадают, то ориентированность значения указанных наречий и местоимений относительно наблюдателя наиболее очевидна в воспроизведенной речевой ситуации, где имеет место формальное разведение лиц говорящего и наблюдателя:

1. *She set the lamp on the candle stand by the window and returned to the front porch. It was so much cooler here...* [7, 44];

2. *The child ran to a tree nearby, got upon the farther side of it, and took a more serious view of the situation... Everywhere near the creek, which here had a margin of lowland, the earth was trodden into mud...* [5, 191].

В качестве точки отсчета указания на некоторую область пространства, ориентированную относительно наблюдателя, выступает в (1) лицо *she*; в (2) ребенок, о чувственном опыте которого повествует автор.

3. *I went closer... There had been a fire here* [7, 68].

Наречие *here* указывает на область пространства, приближенную к лицу *I*, которое является субъектом восприятия описываемой ситуации. Употребление прошедшего времени показывает, что ситуация бытийно принадлежит прошлому, то есть «я» как субъект речи и «я» как субъект восприятия не совпадают, так как они находятся в разных пространственно-временных координатах.

4. *The light in there was far from good, but it was good enough so that George Denborough was sure of what he was seeing* [7, 40].

5. *A moment later something ... impelled him to lower the book again and seek for what he saw before. The points of light were still there* [5, 278].

Пространственная область, обозначенная наречием *there*, характеризуется удаленностью от субъекта восприятия, каковым в (4) является *George Denborough*, в (5) – лицо *he*.

Местоимения *this/these, that/those* указывают на чувственно воспринимаемый объект в пространстве, соотносимый с наблюдателем по такому же признаку, как *here* и *there*.

Центром морфологизации категории пространства следует считать единицы, непосредственно выражающие отраженную сознанием объективную ситуацию общения, то есть те действительные элементы, в абстрактном виде передающие осознание места – «*here*» – «здесь» а также слова, указывающие на близкие и отдаленные предметы: «*this/these*» – «*tom/me*» [10, 72]. Вслед за Н. А. Слюсаревой отметим, что если слова-указатели *this/that* концентрируют внимание слушателя на предмете в пространстве, то дейктики «*here*» и «*there*» определяют само пространство по его близости или отдаленности к ситуации общения (или описания).

Поддерживая точку зрения других лингвистов, Г. Миллер и Ф. Джонсон-Лэйрд, однако, усматривают в функционировании действительных единиц «*here*» и «*there*» и несколько иной смысл [7, 120]. Обращаясь к идее, что каждый предмет обозначается местом, которое он занимает, они полагают, что каждое место с находящейся в ней вещью окружено чем-то вроде частного пространства (*spatial region*). Личное и относительное «*here*» (*in my region*) может изменяться на относительное «*there*» (*in different region*), что зависит от движения человека в пространстве. Признавая, что большинство

людей остро ощущают личное пространство, антропологи утверждают, что его границы различны у народов разных культур и это явление носит концептуальный, а не перцептуальный характер.

Несовпадение пространства говорящего и наблюдателя как лингвокультурное явление отражает объективный характер психологического феномена личного пространства, зависящего от различных факторов. Личное пространство называют еще «индивидуальной территорией», выделяя также понятия «*intimate space*», «*private space*», «*social space*», «*public space*». По мнению А. В. Кравченко, важен тот момент, что членение жизненной сферы на разные типы территорий характеризует мировосприятие каждого нормального человека, независимо от его участия или отношения к тому или иному речевому акту [3, 68].

Несколько другой точки зрения придерживается В. Кляйн. По его мнению, дейктическое пространство делится на подпространства, которые пересекаются, и в ситуации общения каждый участник в каждый момент имеет специфическую ориентацию, определяемую его позицией и направлением взгляда (*direction of gaze*). «*Here*» относится к подпространству, включающему позицию наблюдателя (при этом границы этого подпространства не оговариваются), а «*there*» – к подпространству, которое не содержит позицию наблюдателя (его точные границы лексически не определены) [8, 15].

Дж. Лич и Я. Свартвик в группу слов указателей (*pointer-words*) включают наречия места, соотносимые с указательными местоимениями *this/that*. «*This/these*», определяющие нечто, как физически, так и психологически близкое к говорящему, у Дж. Лича и Я. Свартвика соотносятся с «*here/now*», а «*that/those*», определяющие отдаленное – с «*there/that*» [6, 211].

Дж. Лайонз отмечает, что выбор «*this*» или «*that*» регулируется весьма сложными, часто субъективными факторами. Применение этих указателей во временном и текстовом дейксисе, а также анафоре связано с их использованием в пространственном дейксисе [9, 34–35].

Следует вновь упомянуть, что язык обладает одной вертикальной и двумя горизонтальными координатами. Горизонтальные координаты легко перепутать и когда вы изучаете соответствующие термины, и когда вы пользуетесь ими в процессе коммуникации. Многими исследователями было доказано, что дети сначала овладевают понятиями «*up*», «*down*», а потом понятиями «*front*» – «*back*», «*right*» – «*left*». Последние так трудны для восприятия, что даже некоторые взрослые затрудняются сразу определить, где «*right*», а где «*left*». Возможно, именно сила притяжения делает вертикальное измерение таким уникальным. Так как все люди находятся в пределах одного гравитационного поля, понятия «*up*», «*down*» физически одинаково верны для всех людей. Сложнее обстоят дела с «*near*», «*far*», так как их достоверность должна быть указана особым образом: то, что находится рядом с говорящим, может оказаться далеко от слушающего. Таким образом, приближенность или удаленность некоего предмета от субъекта коммуникации определяется в терминах местонахождения самого субъекта коммуникации [10, 347].

Об относительности понятий «далеко» – «близко» свидетельствует пример, приведенный А. В. Кравченко [3, 49]. Если бы его спросили о местонахождении какого-либо известного ему человека, и он бы сказал: Вы знаете, он теперь живет вдали от города, – однако находящийся рядом человек, который также знает того, о ком идет речь, возражает: Какое вдали! Он живет совсем близко. Очевидно, что оба коммуниканта не могут рассматриваться как люди, страдающие психическими отклонениями, т. к. они оба могут быть в одинаковой степени правы – просто то, что для одного «далеко», для другого человека «близко». Это связано с особенностями индивидуального восприятия и опыта. Так, для старого немощного человека магазин в двух кварталах от дома – даль несусветная, а для его соседа-мальчика – всего в двух шагах.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Таким образом, пространственная локализация как объективная характеристика мышления всегда находит отражение в языке в виде пространственных признаков, описывающих порядок расположения объектов в пространстве. Анализ отобранного лексического материала показал, что в английской языковой картине мира происходит четкое разграничение различных типов пространства: близкого, отдаленного, внутреннего, внешнего. Наш основной вывод сводится к тому, что членение пространственного окружения, отраженное в системе статических пространственных слов, обуславливается как физиологическими, так и психологическими особенностями индивидуального восприятия и опыта.

В качестве перспективы для дальнейшего исследования рассмотренных явлений в системе вербализации концепта «пространство» представляется изучение особенностей их манифестации в различных лингвокультурах и типах дискурса, а также анализ соотношения вербальных и невербальных средств выражения локализации в пространстве. Перспективным является исследование динамики развития и изменения параметрических признаков концепта «пространство» и гендерной дифференциации в выборе языковых средств описания ситуации местонахождения.

Список использованной литературы

1. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография : избр. тр. Т. II / Ю. Д. Апресян. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1995. – 766 с.
2. Закарян А. А. Семантика пространственных и временных предлогов в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Закарян. – М. : МГУ, 1992. – 18 с.
3. Кравченко А. В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1996. – 160 с.
4. Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка / Н. А. Слюсарева. – М.: Наука, 1981. – 206 с.
5. Bierce A. Tales and Fables / Bierce A. – Moscow : Progress Publishers, 1982. – 535 p.
6. Leech G. A Communicative Grammar of English / G. Leech, J. Svartvic. – Edinburgh ; Harlow : Pearson ESL, 2003. – 304 p.
7. King S. It. Stories / S. King. – New York: A Signet Book, 1997. – 1093 p.
8. Klein W. Deixis and Spatial Orientation. Theory, Research and Application / W. Klein. – New York, 1983. – 284 p.
9. Lyons J. Deixis and Subjectivity: Loquor, Ergo Sum II Speech, Place, and Action / J. Lyons. – Chichester : John Wiley & Sons, 1982. – P. 34–67.
10. Miller G. A. Language and Perception / G. F. Miller, Ph. Johnson-Laird. – Cambridge, 1976. – 760 p.

Статья сдана в редколлегию
16.03.2012 г.

УДК 81'367.4 = 133.1

Н. Г. Філоненко – кандидат філологічних наук, доцент
кафедри романської філології Київського національного
лінгвістичного університету

**Синтаксична структура часткових питальних речень французької мови
як об'єкт когнітивних досліджень (на матеріалі творів Ф. Бегбеде)**

*Роботу виконано на кафедрі романської філології
КНЛУ*

У статті зроблено спробу окреслити когнітивний статус синтаксичної структури часткових питальних речень французької мови, досліджено особливості їхньої граматичної структури. Обґрунтовано потребу розвитку синтаксичних досліджень у когнітивно-дискурсивному напрямі.

Ключові слова: часткові питальні речення, когнітивний конструкт, порядок слів, інверсія, питальний прислівник.

Філоненко Н. Г. Синтаксическая структура частичных вопросительных предложений французского языка как объект когнитивных исследований (на материале произведений Ф. Бегбеде). В статье делается попытка определить когнитивный статус синтаксической структуры частичных вопросительных предложений французского языка, исследуются особенности их грамматической структуры. Обосновывается необходимость развития синтаксических исследований в когнитивно-дискурсивном направлении.

Ключевые слова: частичные вопросительные предложения, когнитивный конструкт, порядок слов, инверсия, вопросительное наречие.